

ВПЕРЕД на ЗАПАД!

№ 147

18 сентября 1944 года, понедельник

Прочти и передай товарищу

ДЕЛО НАШЕЙ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ—
СОРВАТЬ ЗАМЫСЛ ВРАГА, НЕ ДАВАТЬ
ЕМУ ПЕРЕДЫШКИ И ВОЗМОЖНОСТИ
ЗАКРЕПЛЯТЬСЯ, ДРОБИТЬ ЕГО НА
ЧАСТИ, ОКРУЖАТЬ И УНИЧТОЖАТЬ.

ЛОМАЙ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВРАГА — УНИЧТОЖАЙ НЕМЦА-ЗВЕРЯ!

ПУЛЕМЕТНЫЙ РАСЧЕТ В НАСТУПЛЕНИИ

Из боевого опыта гвардии сержанта ИВАНОВА

Командир расчета гвардии сержант Иванов — бывший воин. Не раз ему приходилось огнем пулемета сопровождать атакующую пехоту. Но на этот раз, получив приказание от командира — поддержать переправляющийся через реку стрелковый взвод — он задумался.

Переправа, наведенная в ночь саперами, непрерывно обстреливалась противником из всех видов оружия. Нужно было подавить огневые точки врага, бьющие с ближней дистанции. Но как это лучше сделать? Вот над чем думал Иванов.

Противоположный берег был крутой. И если пулемет установить на этом берегу реки, то эффективность огня не будет достигнута. Значит нужно переправляться первыми на тот берег и оборудовать там огневую позицию. Так решил командир расчета.

Под прикрытием артиллерийского огня расчет по штурмовому мостику переправился через водное препятствие и установил на берегу пулемет. Причем,

гвардии сержант Иванов установил его так, чтобы сектор обстрела был наиболее широким. Подготовившись открыть огонь по засеченным точкам противника, он стал ожидать сигнала атаки.

По условному сигналу взвод начал форсирование реки. Немцы открыли было огонь из пулеметов, но гвардейцы-пулеметчики послали туда несколько очередей и фашисты замолчали. Форсировав без потерь реку, бойцы устремились к траншеям. Гитлеровцы не выдержали натиска советских воинов и побежали. В догонку им Иванов послал длинную пулеметную очередь.

В течение дня расчет подавил 3 огневых точки противника и уничтожил до 20 гитлеровских солдат и офицеров. Особенно отличился в этом бою, помимо командира расчета, первый номер гвардии красноармеец Погребедкий и второй номер гвардии красноармеец Касаткин.

Гвардии красноармеец
А. Куляков.

ШКВАЛ ОГНЯ ПО ФАШИСТАМ

Остался час до начала артиллерийского наступления. В батарее гвардии старшего лейтенанта Казанцева митинг, посвященный обращению Военного Совета фронта — Товарищи, — говорит гвардии старший сержант Савельев, — наступил долгожданный час: начинается борьба за окончательное освобождение Советской Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков. Мой расчет в любых условиях даст нужный огонь. Призываю всех драться так, чтобы заслужить благодарность товарища Сталина!

Загрохотала артиллерия. На немецкие позиции обрушился шквал огня. Особую слаженность, быстроту и меткость показывает расчет т. Савельева — наводчик коммунист Шульдецов и заряжающий коммунист Липовый.

Коммунист-командир Темп огня — на сколько выдержат орудия! И пошла такая пальба, что еле успевали подносить снаряды.

В этом бою батарея т. Казанцева поработала на славу. Уничтожено немецкое противотанковое орудие с расчетом, один станковый пулемет, рассеяно и частично уничтожено до роты пехоты противника.

Гвардии капитан*А. Бигашев.

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 17 СЕНТЯБРЯ

В течение 17 сентября западные города Иелгава (Митава) наши войска отбивали атаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике.

В Северной Трансильвании наши войска, действуя совместно с румынскими войсками, с боями заняли несколько населенных пунктов и среди них Газжерна, Гурьчю, Крачунешть, Николешть и железнодорожная станция Гурьчю.

На других участках фронта — бои местного значения и поиски разведчиков.

За 16 сентября наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 106 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбит 101 самолет противника.

Массовые налеты нашей авиации на города и железнодорожные узлы Сату-Маре и Чоп

В ночь на 17 сентября наша авиация дальнего действия произвела массовые налеты на город и железнодорожный узел Сату-Маре (в Северной Трансильвании), город и железнодорожный узел Чоп (25 километров южнее Ужгород). Бомбардировки были подвигнуты воинские эшелоны и военные склады немцев и венгров.

На железнодорожном узле Сату-Маре в результате бомбардировки возникло много пожаров, из них до 20 пожаров весьма больших размеров. Горели железно-

дорожные составы и склады с горючим и боеприпасами. Пожары сопровождались взрывами, особенно сильными в южной части железнодорожного узла.

При подходе наших самолетов к городу Чоп на железнодорожном узле находилось 10 воинских эшелонов. Прямым попаданием бомб были взорваны четыре эшелона с боеприпасами и горючим. Кроме того, бомбардировкой создано более 30 очагов пожара. Среди огня периодически происходили взрывы, в том числе несколько взрывов огромной силы.

ЗА РУБЕЖОМ

Военные действия в Западной Европе

ЛОНДОН, 17 сентября. Союзные войска продвинулись в районе между Антверпеном и морем. Предметное укрепление на канале Маас-Шельда подвергается контратакам — противника, но прочно удерживается союзными силами.

Далее на юг на германской границе союзные войска ведут бои в южных окрестностях Аахена. Крупные части, преодолевая упорное сопротивление противника, прорвали оборонительные сооружения линии Зигфрида к востоку от города. Союзные войска прорвали также оборони-

тельные сооружения противника южнее Ротт, к юго-востоку от Аахена, и вступили в лес Ретген. По ту сторону границы, к востоку от Сен-Бит, противник оказывает значительно меньшее сопротивление, чем в районе Брандшейда. В долине реки Моэль союзные войска крупными силами форсировали реку; отдельные части продвинулись на значительное расстояние к востоку от Нанси.

В Альпах войска союзников вступили в Моден и западного входа в Моденский туннель, соединяющий Францию и Италию.

ПОТЕРИ НЕМЦЕВ ВО ФРАНЦИИ

ЛОНДОН, 17 сентября. Немецкие потери во Франции и Бельгии по 15 сентября составили 750 тысяч солдат. Из этого числа захвачено в плен до 400 тысяч человек; убито — свыше 150 тысяч немецких солдат и офицеров.

ВЫСАДКА КРУПНОГО АВИАДЕСАНТА СОЮЗНИКОВ В ГОЛЛАНДИИ

ЛОНДОН, 17 сентября. Штаб верховного командования экспедиционных сил союзников сообщает, что крупные силы первой авиадесантной армии союзников сегодня после полудня высадятся в Голландии.

В ПАРТИЮ ЛЕНИНА — СТАЛИНА

Пауза между боем. Солнце скрылось за горизонтом. Вечерняя тишина парусится редкой дробью «максима», со свистом проносятся снаряды. Ветер колышет листья густого леса. На опушке собралась прославленная воин-гвардейцы. Для них сегодня — радостный день. На заседании партийного бюро будут разбирать заявления о приеме их в ряды большевистской партии. «Прошу принять меня в ряды партии Ленина — Сталина. В бой по разгрому гитлеровцев в Советской Прибалтике хочу идти коммунистом», — пишет командир пулеметного расчета гвардии красноармеец Семен Зауров.

Обсуждая заявление, члены партийного бюро характеризуют С. Заурова, как смелого, инициативно-го воина, мастерски вла-

деющего пулеметом.

Одлажды, в напряженный момент боя фашисты готовились контратаковать наше подразделение. Зауров, укрываясь в складках местности со своим расчетом, выдвинул пулемет на фланг и открыл уничтожающий огонь. Немцы бросились врассыпную, оставив 30 убитых солдат и офицеров. Семен Зауров единогласно принят кандидатом в члены ВКП(б).

Следующих разбирается заявление гвардии красноармейца Александра Увенкова. Семи лет он остался сиротой. Двенадцать лет был в наступках. Переис много лишений, тягот. И только советская власть открыла ему дорогу в жизнь: он стал знатным трактористом нашей страны. Увенкову, как и всем советским людям, дорога Родина. Вот поэтому он

так беспощаден к врагам, осквернившим нашу землю. Уже в первом бою в рукопашной схватке он уничтожил трех фашистских бандитов, среди них одного офицера. В другом бою с группой бойцов он перерезал важную шоссевую дорогу, за что награжден медалью «За отвагу».

Гвардии красноармеец Александр Увенков принят кандидатом в члены ВКП(б).

На этом же заседании были приняты кандидатами в члены ВКП(б) пулеметчик гвардии сержант Григорий Бельянинов, уничтоживший в боях 40 фашистов и награжденный медалью «За отвагу», и доблестный защитник германского Ленинграда гвардии красноармеец Нуффи Мамедов.

Гвардии капитан
В. Коростылев.

СЛАВА САПЕРАМ, ПРОКЛАДЫВАЮЩИМ ДОРОГУ К ПОБЕДЕ!

Рассказ о гвардейской стойкости, мужестве и воле — о героях-бойцах офицера Зубарева, построивших переправу в ста метрах от врага

В сотне метров от врага, под огнем пулеметов и автоматов, артиллерии и снайперов, по груди в ледяной воде саперы гвардейского капитана ЗУБАРЕВА построили переправу через реку для танков и артиллерии.

10 дней, о каждом из которых можно написать героическую повесть, 10 ночей работы, полной самоотверженности и мужества, — вот что такое эта переправа, о героях которой рассказываем мы сегодня.

ГЕРОИ ПЕРЕПРАВЫ

Слева направо: Кабиев, Рачков, Таланов, Кошкин, Сидякаев и Объязков. Фото С. ГАЛАДЖ.

Солдатский труд

Две карандашных черты легли доперек голубой змейки на карте.

— Строим здесь, — сказал командир. — Длина моста 28 метров. До немцев — сто метров. Работать на реке можно только ночью.

... На берегу наши стрелки. Окопы, ячейки, снова окопы. Передний край. Напротив — в мелколесье — тоже окопы. Три линии одна за другой. Перед ними — колючая проволока. В зелени дуга притаились мины. Там враг.

Смотрят пехотинцы на тот берег. Близко совсем. Только вот река на пути... Сам-то переплываешь, а пушки? А танки? Скорей бы саперы переправу строили.

В глубине леса уже навали под топорами сосны. Звенели пилы. Саперы готовили мост. В тени складывали ряжи, прогоны. Шлепались о стволы пули. Иногда снаряды взрывали лесной дерн и гул летел стоголосым эхом. Саперы не ложились под пулями — иначе когда же работать? Это было началом подвига.

Первая ночь

Когда звезды расцветили небо, несколько человек подошло к реке. Двое сразу вошли в воду. Одному вода была по-пояс. Другому — по-грудь. Один был помкомзавода Степан Таланов — мезельщик из Куйбышева. Было время он делал замысловатейшие кресла для Куйбышевского театра. Свет заливал мастерскую...

Теперь Таланов полюбил ночь. Она укрывала его. Не чудо-кресла, — тысяча с лишком обезвреженных мин, десятки крепких мо-

стов стали его гордостью. Вторым был Каяу Кабиев — молодой парень из Казахстана — земляк столетнего певца Джамбула. Два года назад Таланов обучил его суровому ремеслу сапера. У Кабиева ловкие руки и бесстрашное сердце.

— Холодна водица. Ледяная... Ну, да ничего! — шепнул Таланов. У Кабиева захватило дыхание. С трудом выговорил: «Ничего! Согреемся!» По одному, беззвучно спускались в воду люди. Зарепянов... Прокончук... Потом сержант Митин со своим отделением. Холодна «личья» река.

А с берега уже спускают квадраты ряжей. Одеревеневшие руки с трудом удерживают многопудовые клетки бревен, мешки с песком, камни. Уронишь — плеснет вода. Засыплет снарядами немец. Слово в масло уходит под воду грузелке песком и камнем основы будущего моста.

«Сноровка»

— Ко всему можно привыкаться, — убежденно говорит Таланов, — ко всему! — И приводит такой пример:

По тому месту, где работали саперы, были автоматчики, два снайпера, минометы и тяжелые орудия.

— Снайперов на ночь можно отбросить, зато все остальное такую музыку задавало — аж тошно, — рассказывает он. — Знали мы: немцу невдомек, что строим тут. А в первую ночь, подходя к реке, услышал я такое: «Рус, идешь?» — кричат с той стороны и сразу очередь из пулемета. Я залег. Только вижу пули совсем не в меня летят. Хитрит, думаю, немец. Че-

рез минут выгнать сновер? «Рус, идешь?» — и тоже опережь. Водя река пущает!

Тогда и так сделал, чтоб от случайных нуль потерь не нести: как почувствую — пришло время немцу очередную раз стрелять — команду своим, чтоб прилегали. Потом пятнадцать минут спокойно свое дело делаем и снова: «Ложись!»

Хуже было с артиллерией. И тут припрорывались. Особенно часто была батарея слева. Снаряды рвались на берегу, в метрах ста.

Силой воли саперы победляли инстинктивное желание залечь, уползть. Был случай, когда в течение часа на головы и плечи сыпалась земля взрывов. Ни на миг не замерла работа.

Не все одинаково умеют побороть страх. В одну из тяжелых минут сержант Митин сказал молодому бойцу, прижавшемуся к выемке в крутом берегу:

— Ты думаешь, мне жизнь меньше чем тебе дорога? Нет, брат. Только паю служить, как следует. — Смотри, как Кабиев, Нестеренко, Таланов работают. Неужто ты трусливей всех?

— Нет! — ответил тот.

И он, как говорится, припрорывался.

Штурмовые дни

...Остались три дня. Через 72 часа танки должны ринуться на тот берег — на лемка. Их ждет пехота, ждет наступление. Надо было успеть положить поперек ряжей прогоны — громадные бревна, толщацией в полметра. Поверх прогона, на всю двадцативосьмиметровую длину моста — стальные рельсы. И все это без единого удара топора, без привычного «Эй, ухнем!» Тишина берегла мост, берегла успех.

Был ранен красноармеец Додонов. Казалось, стоп готов вырваться из пересохшего рта. Но он закурил губы и молчал, когда переувлажнили ему рану, молчал, когда двое понесли его к лесу. Только там, откуда даже выстрел едва ли долетел бы до берега, он позволил себе застонать.

Семь бойцов во главе со Степаном Талановым несли через поляну к реке двенадцатиметровую рельсу. Перекатом ухнула немецкая батарея слева. Каждый знал — снаряды упадут где-то рядом. Но рельсу не бросишь без шума. Семь человек, собрав всю

силу воли, продолжали путь. Ахнули три разрыва. Двое из семерых были сражены осколками. Пятеро донесли рельсу...

Не легко было и один час работать в ледяной воде.

Таланов, Митин, Кабиев и их боевые друзья 36 часов были в реке. Это трудно представить и осценить. Они забыли о сне и усталости, они перешагнули через грань человеческого возможностей. Они знали одно — приказ должен быть выполнен!

В полдень ранило Семёна Бобринского.

— Я не уйду, пока мост не достроим, — сказал он.

Был контужен Болеслав Яновский.

— Останусь на мосту, пока танки не пройдут! — заявил комсомолец.

Так шли штурмовые дни.

Дорога открыта

Пробя час — и лавой огня обрушился наш берег на немцев. От моста никто не уходил — за лесом уже рождались наши танки и самоходные орудия.

И надо же так случиться, что шальной вражеский снаряд врезался в этот час один из упоров моста.

Минуты были на счету. Бойцам еще не отдали приказа, а они, забыв о всякой осторожности, бежали через поляну к лесу, несли оттуда новые бревна, новые рельсы.

В назначенный час, горюливо шаркнув о настел стальной гусениц, через мост прошла первая самоходка. За ней вторая, третья...

К раненому Семёну Бобринскому подошел капитан Голунов:

— Как дела? — спросил он, указывая глазами на переувлазную шею сапера.

— Хорошо, товарищ капитан! Пятая самоходка идет.

— Я не о том. Как рана?

— Пустьяковая ранка... Здорово это мы мост срубили!

Через час переправа на «личья» реке стала простым мостом в тылу. Только бывалые солдаты, знающие цену подвигу, говорили, глядя на избитые осколками бревна моста:

— Видать горячая тут работа была! Что ни вершок — то осколок.

Кто герой?

На кухне воевал военфельдшер:

— Говорю вам, отравляйтесь в санчасть. Слышите!

Шесть человек сидели перед огромным чаном, чистили картошку. Слова летели мимо них.

— Кому говорю?! Отправляйтесь!

— Здесь лечите. Никуда не поедом, — буркнул один.

Картошку чистили Зайцев, Южно, Петров, Несопов, Малышев, Яновский. Все были ранены у переправы и уже второй день отбивали атаки фельдшера.

Шестеро — герои. А разве не герои ездовые Бочаров, Гусев, Ионкин и Ежов — подвозившие за передний край составные части моста?

Разве не герой Мария Михайловна Фищева, выносившая раненых под снайперским огнем?

Разве не служили героическим примером всем бойцам — офицеры Заборский, Воронов и Штин? Бойцы видели их рядом, там, где нужен был подвиг, чтобы не стала работа.

Эта переправа была подвигом всех саперов капитана Зубарева. Золотой страницей войдет она в историю нашей части, в историю освобождения Советской Прибалтики.

Гвардии старший лейтенант И. Подорожанский.

Зам. ответ. редактора Г. Е. КРАСАВЦЕВ.

Группа саперов орденюсца лейтенанта Штина во главе со своим командиром. (Сидит в центре гвардии лейтенант Штин). Фото С. ГАЛАДЖ.